

УДК 330

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ИЗМЕРЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

Рассматриваются особенности формирования пространственной экономики как элемента общего социального анализа. Обсуждается взаимосвязь пространственных экономических и обществоведческих исследований с общей экономической теорией и исследованием конкретных поведенческих реакций на разных уровнях иерархии общественных и экономических систем. Анализируются общеполитические закономерности формирования системного, междисциплинарного исследования как инструмента общего социального анализа, рассматриваются практические результаты реализации междисциплинарных проектов в области пространственных исследований. Предлагается гипотеза формирования предметной области пространственной экономики и ее соотношения с предметными областями общей экономической теории.

Экономическая теория, кризис, общий социальный анализ, экономическое пространство, административные регионы, экономические регионы, локальные пространства, программы, Дальний Восток.

ВВЕДЕНИЕ

Пространственная экономика с теоретической точки зрения является не более чем фрагментом общей экономической теории. Причем таким фрагментом, содержание и границы предметной области которого до настоящего времени ясного и однозначного определения так и не получили.

В значительной степени приходится довольствоваться некими интуитивными представлениями даже в таких вопросах, как объект пространственных исследований. Например, академик А. Гранберг, один из основоположников отечественной региональной экономики, включал в ее объект лишь региональные системы (и их взаимодействия), локализованные в пределах национальных границ [5, с. 7], тогда как автор этих строк придерживается расширительного толкования объекта пространственной экономики, пола-

гая, что национальные границы лишь формируют такой специфический тип пространственных экономических систем, как национальные экономики, являющиеся подсистемой глобальной экономики, заключая в себе подсистемы (регионы) низших уровней [13].

Тем не менее экономические исследования пространственного распределения факторов производства, пространственных взаимодействий территориально локализованных экономических агентов и их сообществ, пространственных модификаций функционирующих институтов направлены на выяснение общетеоретических закономерностей и используют те же теоретические постулаты и инструментальные средства, что и другие разделы экономических исследований, а следовательно, сталкиваются с теми же вызовами и обладают теми же потенциальными возможностями ответить на эти вызовы, что и экономическая теория в целом. Вероятно, пространственная экономика даже в большей степени, чем экономическая теория вообще или иные разделы экономической науки, подвержена риску гомоморфизма, так как в наибольшей степени является по существу синтетическим разделом научного знания, будучи обязанной описывать и объяснять не только и не столько собственно экономические отношения в пространстве, но и всю совокупность связанных с функционированием пространственно локализованных сообществ общественных отношений.

Поэтому в данной статье делается попытка не столько рассмотреть во взаимосвязи проблемы влияния кризиса экономической теории, с одной стороны, и прогресса междисциплинарного знания, с другой стороны, на формирование и развитие пространственной экономики как синтетической научной дисциплины, сколько наметить направления такой взаимосвязи и поставить вопрос о направлении генезиса самой пространственной экономики.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ: КРИЗИС НАДЕЖД

После мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., который до настоящего времени еще далеко не во всех сегментах мировой экономики закончился, во всяком случае, отголоски его все еще весьма ощутимы в финансовой и социальной сферах, критика современных основ экономической теории [18] значительно усилилась. Проблемы с адекватностью постулатов «канонической» теории обсуждались в течение длительного времени, но именно последний финансово-экономический кризис, принципиальная невозможность которого была официально продекларирована Р. Лукасом [43] от имени господствующей в экономической теории Чикагской школы, продемонстрировал, что экономическая наука фактически оказалась неспособной в рамках превалирующей в современной науке парадиг-

мы объяснить фундаментальные тенденции общественного развития и тем более выработать рекомендации для экономической политики. Отказ Р. Лукаса от собственной декларации [44] относительно возможности глобальных циклических кризисов фактически означал капитуляцию неолиберальной доктрины, утверждавшей, что «макроэкономисты» решили задачу предотвращения глобальных и глубоких депрессий.

Попытки в ответ на недоуменный вопрос королевы Елизаветы II («Почему никто не предсказал наступление столь глубокого кризиса?») сослаться на «неспособность коллективного воображения многих блестящих людей ...осознать риски системы как целого» [29] являлись не более чем лукавством, за которым скрывалась попытка замалчивания системных проблем, содержание которых участники развернувшейся дискуссии определяют как дефекты сложившейся системы образования экономистов, господство формальных критериев качества научных работ, неприемлемость ультимативных требований предпочтения математической техники в ущерб глубинному пониманию экономических явлений, в результате чего экономистам стало катастрофически не хватать «профессиональной мудрости, опирающейся на глубокое знание психологии, институциональных структур и исторических прецедентов» [32].

Аналогичный диагноз поставил и П. Кругман, подчеркивающий, что «основной причиной провала профессии было стремление развить всеохватывающий интеллектуально эlegantный подход, который к тому же давал бы экономистам возможность продемонстрировать их математическое мастерство» [38]. Следует согласиться с тем, что «настоящая опасность для экономической науки — не сопротивление использованию математики там, где это необходимо, а возможное злоупотребление ею. Строгость выводов математиков не должна создавать иллюзии. На деле важны лишь рассмотрение исходных посылок и истолкование результатов» [1].

Наиболее жесткой критике подверглась так называемая Чикагская экономическая школа, доминировавшая в мире в течение последних десятилетий. Именно ее представители были обвинены во введении научного и делового сообществ, политического истеблишмента в заблуждение относительно преимуществ «невидимой руки» рынка [1]. Разумеется, этот упрек следовало бы обратить не только к Чикагской школе, но, прежде всего, к классической политэкономии XIX в. (А. Смит). Однако именно представители Чикагской школы утверждали, что «задача предотвращения глубоких депрессий решена макроэкономистами» и масштабный кризис в развитых странах невозможен [43]. Собственно говоря, это утверждение было признано ошибочным самими представителями Чикагской школы уже после начала кризиса в форме утверждения, что в действительности «движение цен на эффективном

рынке является случайным блужданием, а потому и не может быть предсказано» [30]. Это означает принципиальную неизбежность рецессий и фактически является теоретической капитуляцией, ибо, если неолиберальная доктрина содержала знание о ненулевой вероятности кризиса, она должна была активировать процедуру изменения финансовых институтов для минимизации ущерба, отставание чистоты теории в этом случае являлось бы преступлением. Поскольку процедура не была активирована, следует предположить, что такого знания и не было. И это подтверждает А. Гринспен, возглавлявший ФРС США почти 20 лет: «Я ошибался, предполагая, что собственный интерес организаций, особенно банков, таков, что они стремятся наилучшим образом защитить своих акционеров и имущество своих фирм... Я обнаружил ошибку в модели, которая, как я полагал, является важнейшей функционирующей структурой, определяющей движение мира» [33].

Многие десятилетия экономическая теория представлялась как некий канонический монолит, претендующий на то, чтобы стать основанием «точной науки» (*a science*) в том смысле, в каком «точными» являются теоретическая механика или химия. Теперь стало очевидно, что преподнесение выводов теории в качестве «канонов», претендующих на точное отражение действительности, является не более чем иллюзией.

Во-первых, эмпирические исследования не обнаруживают фундаментальных экономических зависимостей между экономическими переменными, которые, подобно второму закону Ньютона в механике, могли бы создать фундамент для развития единой теории.

Во-вторых, «точность» теории достигается ценой отказа от реалистичных теоретических конструкций, которые не соответствуют «чикагскому мейнстриму». В частности, провал в предсказании мирового циклического кризиса связан в значительной степени с тем, что каноническая теория допускала только кейнсианскую версию кратковременных шоков, отвергая современные модификации теорий регулярных длинных кондратьевских циклов и средних марксовых циклов [14].

В-третьих, скорость изменения экономической реальности опережает темпы ее изучения в том числе и потому, что выводы из теории очень быстро становятся в условиях все нарастающей скорости распространения информации достоянием экономических агентов и модифицируют их поведение. В результате реальность, закономерность которой описывается зависимостями, полученными (выведенными) при иных поведенческих реакциях, искажается, а уже выявленные теоретические закономерности модифицируются или просто перестают выполняться. Здесь прослеживается определенная аналогия с принципом неопределенности Гейзенберга, а также с теорией товарного и денежного фетишизма К. Маркса.

Таким образом, можно считать доказанным, что план построения единой экономической теории по классическому образцу теоретической механики, намеченный в начале 50-х гг. прошлого века, оказался невыполнимым. В результате теория распалась на множество частных случаев. В большинстве исследований вопрос об общности получаемых выводов даже не ставится, модели исследуются при весьма ограничительных предположениях. Многие выводы оказываются неустойчивыми относительно «малых вариаций» в конструкции моделей [20]. Претензии на то, что экономика должна стать и постепенно становится «точной» наукой, как раз и стали основной причиной кризиса теории [21; 22].

Еще одним следствием чрезмерной общности базовых теоретических моделей является необходимость расширения границ экономической теории. Оказалось, что невозможно ответить на фундаментальные экономические вопросы (что, как и для кого производить) без учета доминирующих этических, психологических, правовых и социальных установок и норм, демографических процессов и политических механизмов [17]. Это привело к появлению многочисленных «стыков» с правом, этикой, социологией и т. д. Однако при этом какого-либо нового экономического содержания не появляется, экономисты добиваются результата, действуя как прикладные математики, используя теорию игр или эконометрику, но не теорию экономического равновесия.

В рамках самой экономической науки оказалось невозможно ответить на основные вопросы, но точно так же и вне экономической науки отдельные социальные дисциплины не в состоянии адекватно отразить социальную материю. Старое определение предмета экономической науки: «экономика — наука о том, что, как и для кого производить» — перестало соответствовать реальному содержанию экономических исследований. Проблемы производства и распределения благ оказались слишком тесно и нетривиально связанными с охраной окружающей среды, внешней и внутренней безопасностью, характером политических институтов, развитием правовой системы и гражданского общества. Необходимо новое понимание предмета исследования. Основные вопросы современной экономики, социологии, политологии, права по существу совпадают: «Как устроены социальные институты, обеспечивающие общественное развитие?», «Какими они должны быть?», «Как обеспечить их совершенствование?».

Невозможно разграничить области, исследуемые различными социальными науками. Методы их исследований представляют собой также некий общий набор, сердцевина которого — эконометрика и теория игр. Именно эти методы часто отождествляются с аппаратом экономической науки. В действительности эконометрика и теория игр развились на экономическом материале,

но сами по себе не содержат ничего «экономического». В то же время методы, характерные для социологии, политологии, психологии (опросы, полевой и лабораторный эксперимент, вербальный анализ «конкретных случаев»), все шире используются и в экономике. Приписываемые экономике особенности методологии — использование моделей оптимизации, понятий равновесия и эффективности — являются удобными методами описания любого социального поведения, а современный экономический анализ признает изменчивость предпочтений и важность социальных норм, объединяясь тем самым с социологией, политологией, психологией, правом.

Таким образом, логика развития самой экономической теории и связанных с ней по методам и предмету социальных наук диктует необходимость формирования нового синтетического направления, которое академиком В. Полтеровичем названо общим социальным анализом [22], преодолевающим ограниченность канонической методологии экономического индивидуализма и имеющим предметом *функционирование и развитие общественных институтов и поведение человеческих коллективов в рамках этих институтов*.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК ЭЛЕМЕНТ ОБЩЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Трансформация экономической теории в теорию общего социального анализа отражается и в исследованиях по пространственной экономике. В этой области экономических наук, как и в целом в экономических науках, налицо кризис методологии, который генерирует и кризис в сфере экономических измерений. Проявлением этого кризиса стало то, что изменения в области терминологии, методов анализа, равно как и появление новых версий теоретических концепций экономического пространства, не привели к созданию полной и непротиворечивой теории пространственного экономического поведения.

В области терминологии господствовавший до конца 1990-х гг. термин «региональная экономика» постепенно начал уступать место термину «пространственная экономика» [5; 15, с. 419]. Однако это не столько отражает изменение содержания предметной области исследований, сколько представляет собой «rebranding» все того же довольно аморфного направления, которое обозначалось и продолжает официально обозначаться термином «региональная экономика». Терминологическая уловка по сути лишь обострила проблему четкого определения предметной и проблемной области пространственных исследований.

Отождествление терминов «регион» и «пространство» как бы освободило

исследователя от обязанности четко и однозначно определить объект своего исследования, то есть явным образом описать экономическое пространство, которое таковым объектом является. Действительно, ведь не существует внепространственных экономических агентов и их взаимодействий, не существует внепространственных процессов производства, обмена, распределения и потребления. Следовательно, вполне допустимым оказывается любой из этих процессов представить как предмет региональной экономики.

Попытка ввести критериальное различие между терминами «экономика региона», «региональная экономика» и «пространственная экономика» [16], что предполагало вменить каждому из соподчиненных, хотя и взаимосвязанных объектов исследования специфические характеристики предмета рассмотрения и позволило бы исключить засорение предметной области пространственных исследований, была воспринята с настороженностью и даже недоверием. Вероятно, причина этого заключается в том, что если для первых двух объектов предметное «наполнение» более или менее традиционно и понятно, хотя часто под видом региональной экономики предлагаются фактически case-studies отдельных регионов или вообще отраслевые экономики в форме описания и анализа отдельных отраслевых рынков, локализованных в рамках определенного географического пространства, то объект «пространственная экономика» так и не имеет до настоящего времени ясного и непротиворечивого содержания.

Мало чем содействовали достижению ясности в вопросе о методологической и теоретической определенности пространственной экономики и реальные изменения в методах исследования и измерений пространственных процессов. За последние 50 лет балансовые модели [2; 6] и модели общего экономического равновесия на основе межотраслевых балансов [7; 26; 42] были дополнены пространственными эконометрическими моделями [28; 34; 35], использование которых стимулировало распространение концепции «новой теории международной торговли и новой экономической географии»¹. Это позволило существенно продвинуться в области построения упрощенных модельных конструкций, описывающих статические и динамические аспекты формирования и функционирования региональных экономических систем разного масштаба и их взаимодействия. Однако главная задача – полное и непротиворечивое описание пространственного поведения экономических агентов, их взаимодействий, а также взаимных реакций экономического поведения и других форм социального поведения в

¹ Следует подчеркнуть, что автор рассматривает «новую экономическую географию» не как новое издание региональной экономики, а как теоретическую концепцию перехода от планарно-факторного анализа размещения производства к нелинейному маргинальному экономическому анализу пространственного поведения экономических агентов.

пространстве — не решена до сих пор. Точно так же как и задача конструирования самого понятия «экономическое пространство».

Не только канонических, но и сколько-нибудь логически адекватных определений самого понятия «экономическое пространство» в научной литературе найти настолько трудно, что появляется искушение предположить, что их просто нет. Возможно, это и не так, но наиболее цитируемые в российской и зарубежной литературе авторы, считающиеся (и по праву) столпами в обсуждаемой области экономического знания, А. Гранберг и П. Кругман, подобного определения не дают. П. Кругман ограничивается описанием «места экономического действия», фактически отождествляя понятия «экономическое пространство» и «регион» или «территория».

Так, А. Гранберг в весьма распространенном учебнике по региональной экономике приводит такое определение: «Экономическое пространство — это *насыщенная территория*, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т. д. Каждый регион имеет свое *внутреннее* пространство и связи с *внешним* пространством» [5, с. 25]. То есть пространство — это территория некоего региона, имеющая некие связи с территориями других регионов. Иначе говоря, экономическое пространство — это совокупность мест размещения экономической деятельности в пределах национальной территории, так как несколько ранее в этом же источнике говорится о том, что все касающееся взаимодействий национальных экономик (территорий) не является предметом региональной экономики [5, с. 13].

П. Кругман, в свою очередь, не приводя формального определения понятия «пространство» или «регион», обсуждает соотношение национальной экономики и экономики региона, как соотносительных и исчерпывающих всю полноту пространственной парадигмы объектов рассмотрения и научного анализа [11, с. 175].

Предложим следующую версию определения того, что такое «экономическое пространство». Будем исходить из применимости аналогий, понимая, что доказательством сама по себе аналогия не является. Подразумевая, что пространство и время суть два способа существования материи, а экономика — лишь один из видов социальной материи, можем утверждать, что *пространственная экономика есть форма существования экономики как совокупности взаимодействующих экономических агентов, определенным образом распределенных в географическом пространстве*. При этом под экономическим агентом имеется в виду индивидуум (или группа индивидуумов), который (которые) участвует хотя бы в одном из процессов — производстве, обмене, потреблении. С этой точки зрения задачей пространственной экономики яв-

ляется ответ на вопрос о том, как наилучшим способом удовлетворить потребности при заданных ресурсах, характере их пространственного распределения и взаимодействия пространственно распределенных экономических агентов.

Используем еще одну аналогию для конкретизации представления об экономическом пространстве. Подобно физическому пространству (вселенной), которое представляет собой чередующиеся области высококонцентрированной материи и пустоты, пространство экономическое не является однородным. Существуют «сгустки» экономической деятельности, возникающие в местах наилучших с географической, климатической, ресурсной точек зрения условий для ее осуществления. Подобно звездам, плотность материи в пределах которых создает гравитационные ловушки, удерживающие на орбитах целые планетные системы и в то же время обрекающие сами звезды на сосуществование в рамках созвездий и галактик, на сложные взаимные эволюции, пространственные экономические «сгустки», за которыми закрепилось наименование «регионы» и «страны», обладают различной силой притяжения, формируя пространственные подсистемы. Чем лучше условия, тем выше в общем случае плотность экономической деятельности. Чем выше плотность, тем сильнее гравитационный эффект притяжения данным пространственным «сгустком» экономических агентов, привлекаемых эффектом масштаба и агломерационными эффектами. Это ведет к дальнейшему увеличению плотности.

Как и в случае физического пространства, чрезмерное нарастание плотности экономической деятельности приводит к ухудшению условий экономической деятельности в «сгустке» и к «взрыву» — переносу части экономической активности в зоны меньшей плотности и сравнительно лучших характеристик.

Что является в случае пространственных экономических систем «гравитационными» силами, определяющими пределы пространственной концентрации экономических агентов и закономерности их взаимодействий и мобильности? Эту роль играют монетарная и институциональная системы.

С учетом вышеизложенного гипотеза построения пространственной экономической системы как объекта исследования пространственной экономики, предлагаемая для обсуждения в настоящей статье, сводится к следующему:

- пространственная экономика является не особым направлением экономической теории, а теоретической оболочкой, вмещающей три формы экономического пространства, взаимодействующие в терминах общей экономической теории, — глобальное, национальное (субглобальное), региональное (субнациональное);

- субглобальное экономическое пространство описывается как неаддитивное множество экономических локалитетов (экономика регионов), которые взаимодействуют и генерируют системные эффекты (региональная экономика);
- субнациональное экономическое пространство описывается как множество (которое в общем случае может быть пустым) низовых экономических районов (узлов, комплексов, площадок).

Теоретические модели, описывающие функционирование *глобального пространства*, совершенствовались в течение длительного времени, видоизменяясь в соответствии с изменением масштабов, структуры, характеристик действующих в этом пространстве экономических агентов и их сообществ, локализуемых в границах национальных экономик.

В XVIII – начале XIX в., когда уровень разнообразия товарных рынков был невелик и торговые взаимодействия практически полностью исчерпывались обменом продуктами монополий, возникавших на основе эксплуатации природных и технологических преимуществ (при этом природные преимущества играли определяющую роль), вполне адекватной реальным взаимосвязям экономических агентов являлась модель абсолютных преимуществ А. Смита [25], описывавшая процесс обмена товарами и услугами для случая монопольных рынков. Эта концепция сохраняет свою актуальность, несмотря на существенные изменения, которые произошли в области структуры, масштабов и технологии глобальной и национальных экономик. Возможно, наилучшим свидетельством этого является сохранение до настоящего времени популярности и практической применимости в экономической политике принципа свободы торговли.

Обобщение модели А. Смита и ее дополнение концепцией относительных экономических преимуществ (Д. Рикардо [24]) отражало развитие глобальных экономических пространственных взаимодействий в форме товарного обмена при расширении последнего за счет немонопольных продуктов. Модель сравнительных преимуществ описывала обмен товарами и услугами, издержки на производство которых были наименьшими по сравнению с другими странами, потребляющими этот товар или набор товаров, и была первой в ряду концепций, максимизирующих совокупный доход за счет использования пространственных эффектов специализации и увеличения масштаба. При этом модель абсолютных преимуществ не исчезла, более того, даже в настоящее время она вполне адекватно описывает пространственные взаимодействия для случаев наличия естественных монополий (например, торговля между производителями углеводородов и/или редких видов минерального и биологического сырья и остальным миром).

Дальнейшее усложнение пространственных взаимодействий в глобаль-

ной экономике в форме развития вертикальных взаимодействий на отраслевых рынках при увеличении степени разнообразия обмениваемых товаров и услуг, а также критическую роль капитала, как фактора производства, в предположении о сохранении совершенной конкуренции потребовало усложнения и теоретической конструкции, описывающей новые реальности международного обмена. Вызвало к жизни модель Хекшера – Олина – Самуэльсона, описывающую обмен однородными товарами и услугами дифференциацией относительных эффективностей факторов производства в отдельных странах. Эта модель, основанная на теоремах Хекшера – Олина, Столпера – Самуэльсона и Рыбчинского, являлась развитием концепций абсолютных и сравнительных преимуществ, объясняя не только взаимодействия наличием таких преимуществ, но и предлагая механизм формирования преимуществ самих по себе, тем не менее, тоже не является универсальной как в связи с ограниченностью сферы действия совершенной конкуренции, так и в связи тем, что торговля однородными товарными группами на основе вертикального разделения труда представляет собой лишь один из фрагментов мировой торговли. Другие фрагменты по-прежнему описываются теориями абсолютных и относительных преимуществ. Тем более, что даже с точки зрения торговли однородными товарными группами эта модель имеет существенный изъян, не давая возможности объяснить процесс так называемого «двойного подобию» или смещения мировой торговли к взаимной торговле однородными товарами подобных стран по экономическим характеристикам при производстве этих товаров странами.

Это последнее ограничение, как и слишком сильное предположение о наличии совершенной конкуренции, «снимается» моделью международной торговли П. Кругмана [12; 31; 39; 40; 41], которая, используя идеи монополистической конкуренции Д. Стиглица, предлагает значительно более продвинутое и адаптированное к реальности описание механизмов торговли не просто однородными, но одинаковыми товарами и услугами, а также отражает влияние «мягких факторов» и конституирующую роль внутреннего эффекта масштаба. Однако и эта концепция отнюдь не универсальна, так как описывает лишь один класс торговых взаимодействий, хотя и очень важный, — взаимодействия высококонцентрированными в производстве товарами на рынке монополистической конкуренции.

Таким образом, глобальные пространственные взаимодействия описываются сложной комбинацией теоретических моделей пространственных обменов. Единой канонической теории функционирования глобального экономического пространства до сих не существует. Но даже если бы и удалось построить такую унифицированную теорию, она все равно не смогла бы полно описать глобальные экономические взаимодействия, так как кро-

ме торговых взаимодействий на структуру и динамику пространства воздействуют еще и взаимодействия на рынках факторов производства, технологий и сравнительные институциональные оболочки. Поэтому претензии экономической науки на разработку унифицированной теории глобального пространства необоснованны, они не учитывают, как и в случае с общей экономической теорией, что функционирование экономических агентов, их взаимоотношения в пространстве основаны не только на чисто экономической мотивации, а результаты общественного развития в пространственном аспекте не сводятся к чисто экономическим индикаторам.

Национальные экономические пространства, в свою очередь, подвержены декомпозиции на субнациональные, региональные экономические пространства. Особенность этого вида экономических пространств – добавление требования об однородности условий применения факторов производства и условий жизнедеятельности. При этом принципиально помнить о двух типах субнациональных экономических пространств: во-первых, это административные регионы (AR-пространства, в современной терминологии – субъекты Федерации, провинции, штаты и т. п.), а во-вторых, экономические регионы (ER-пространства), в отношении которых гораздо более акцентированно выполняется требование однородности базовых условий функционирования экономики и социальной системы.

Первоначально теоретические описания этого вида экономических пространств и их взаимодействий касались исключительно класса ER-пространств, причем это были замкнутые пространства, то есть первые модели описывали собственно экономику регионов и были основаны на идеях абсолютных и сравнительных преимуществ определенных ареалов концентрации экономической деятельности. Первоначально учитывались только транспортные затраты до рынков сбыта (И. Тюнен, В. Лаунхардт, В. Кристаллер), а затем были обобщены издержки производства и сбыта в рамках (А. Вебер). Взаимодействие региональных систем на основе формирования пространственных квазимонополий межрегиональной торговли были отражены в концепции А. Лёша, трактующей локальные экономические пространства (регионы, субнациональные пространства) как «рынок с границами, обусловленными межрегиональной конкуренцией». Именно А. Лёш ввел в анализ субнациональных пространственных систем институциональные факторы (налоги, технический прогресс).

Наиболее интенсивные и продуктивные исследования национальных пространств как системы взаимодействующих регионов были развернуты в СССР с начала 1920-х гг. Уже в 1923 г. была разработана общая схема экономического районирования, в основе которой лежали именно ER-пространства, то есть экономические районы. Полностью выдержать этот принцип не уда-

лось, но представленная модель районирования отличалась весьма высокой степенью изоморфности. Именно эта модель была реализована как схема экономического районирования СССР по решению совещания, посвященного вопросам планового хозяйства и районирования в соответствии с тезисами докладов И. Александрова и К. Егорова [4, с. 115–121; 8]. Это создавало принципиальную возможность на практике перейти к измерению агломерационных эффектов, эффектов комплексирования и агломерации, для чего не хватало лишь адекватной перестройки системы статистического учета.

Однако план ГОЭЛРО стал первым и последним экономическим проектом, в основе которого лежало представление о национальной экономике как о системе взаимодействующих экономических регионов. В дальнейшем противоречие между критериями экономической и политической однородности разрешилось в пользу последней. Результатом стало то, что все дальнейшее развитие происходило в рамках системы административных регионов.

Особенности институциональной среды в СССР – наличие глобального арбитража, в отличие от примата рентоориентированного микроповедения в рыночных экономиках, обусловило становление пространственного анализа в форме теории размещения производительных сил, в основу которой были положены элементы традиционной микроэкономики (производственные издержки, экономическое расстояние до рынков, эффект масштаба производства), классической экономической географии (экономико-географическое положение, природно-ресурсные факторы) и система внеэкономических ориентиров и ограничений, что предвосхитило становление общего пространственного анализа.

В рамках этого научного направления были получены пионерные для своего времени результаты, в частности, теория дифференциальных затрат В. Новожилова, которая позволяла измерять сравнительные системные эффекты размещения производств в различных регионах. Прикладные задачи размещения производства успешно решались с использованием инструментов оптимального планирования (транспортно-производственные модели оптимизации) и решения задач определения оптимальных радиусов снабжения и реализации. Фактически все это относилось к классу задач оптимального поведения экономических агентов. Точно так же, как и концепция размещения «новой экономической географии». А проблема измерения системных эффектов функционирования собственно региональных систем, а тем более системных эффектов, генерируемых пространственной структурой и динамикой в национальной экономике в целом, оставалась неразрешимой.

Только во второй половине XX в. работы У. Изарда [36; 37] стимулировали интерес к исследованиям экономических параметров локальных экономических систем в рамках единой национальной экономики. Однако измери-

тельный потенциал пропагандировавшей в его трудах «региональной науки» был крайне мал и относился не к измерению экономических эффектов функционирования национальных пространственных систем, а к вычислению статистических индикаторов сравнительных структурных преимуществ, формируемых в регионах, в форме локализационного анализа. Причем этот анализ проводился для административных регионов, что диктовалось организацией статистического учета.

Анализ AR-пространства фактически исключил возможности измерения агломерационных эффектов и предопределил концентрацию на вычислении равновесных состояний национальных пространственных систем. Инструментом для подобных вычислений во второй половине XX в. являлись межотраслевые модели. Пожалуй, наиболее конструктивный вклад и в теорию, и в прикладные исследования в этом направлении внесли исследования советских экономистов и математиков. В 1970–1980-х гг. были разработаны две масштабные системы моделей, предназначенные для вычислений оптимальных состояний и траекторий развития пространственной структуры советской экономики: система моделей СМОТР (ЦЭМИ АН СССР, В. Баранов – И. Матлин [2]) и система моделей СИРЕНА (ИЭиОПП СО АН СССР, А. Гранберг [7]). Система СМОТР основывалась на идеологии пространственного разбиения единой национальной отраслевой системы, которое возможно при любых критериях, а потому ее задачей являлось согласование оптимальных планов отраслей с функционированием AR-пространства. Система СИРЕНА базировалась на идеологии общего экономического равновесия и лишь вынужденно была приспособлена для вычисления оптимальных равновесных состояний и взаимодействий в AR-пространстве.

Именно проект СИРЕНА максимально приблизился к методологии распознавания национальных субпространств как надэкономического множества субъектов общественного развития. Однако измерительные процедуры были ориентированы на распознавание исключительно экономических параметров. Именно это обусловило ограниченные аналитические возможности и сферу практического применения получаемых результатов.

Локальные экономические пространства (локальные пространственные системы) формируются как сложные комплексы взаимодействия экономических агентов, с одной стороны, домашних хозяйств и индивидов – с другой стороны. В этом принципиальное отличие локальных пространственных систем самих по себе от этих же систем как агентов общей национальной экономики. Экспериментально (статистически) эти два вида пространственных систем практически неразличимы. Но теоретические различия велики. Велико и различие этих систем как объективных оснований экономической политики.

Теории формирования локальных пространственных систем, базирующиеся на упомянутых выше концепциях классиков регионального развития в рамках национальных экономик, в последние 50–60 лет получили существенное развитие. Теория формирования технологически эффективных, максимизирующих эффекты масштаба и эмерджентности комплексов взаимодействующих на ресурсной и технологической основе экономических агентов были предложены Н. Колосовским [9; 10] и М. Бандманом [3] и нашли практическое воплощение в практике централизованного планирования в СССР.

В 1950-х гг. широкое распространение получила теория полюсов роста Ф. Перру [46; 47], который показал, что мотивированное максимизацией экономической ренты поведение экономических агентов приводит к превращению производств специализации в полюса роста в пределах локальных пространственных систем. Последнее означает искривление экономического пространства в пределах локальных регионов, стягивание экономических ресурсов и видов деятельности к отдельным, наиболее выигрышным с точки зрения эффекта масштаба и обеспечения высоких сравнительных конкурентных параметров с позиции совокупных издержек производства, точкам локального пространства. Фактически эта концепция предвосхитила концепцию «новой экономической географии» (П. Кругман), которая не смогла воспроизвести механизм функционирования собственно регионов, но изящно математически описала процесс искривления пространства под воздействием изменения параметров внутреннего масштаба.

М. Портер, опираясь на ранние исследования Й. Шумпетера, который доказал критическую роль «мягких факторов пространственной организации», а именно технологий, непосредственно определяющих уровень сравнительной конкурентоспособности фирм, показал, что локальные пространственные системы в большой степени, особенно в той части, которая не связана с абсолютными или относительными преимуществами, опирающимися на естественную неоднородность пространства, формируются и переформируются как сетевые структуры экономических агентов.

Отличительной особенностью концепций Ф. Перру, П. Кругмана, М. Портера при их техническом изяществе и формальной полноте является невозможность или чрезвычайная сложность измерения на их основе пространственных эффектов в отличие от концепций Н. Колосовского, М. Бандмана, В. Новожилова.

Но главное отличие локальных пространственных систем от региональных элементов национальных пространств заключается в том, что первые не могут представляться иначе, чем дихотомия технологических комплексов и/или функционально-технологических сетей фирм и экономических аген-

тов, с одной стороны, и социальных сетей — с другой стороны. Причем именно социальные сети, их элементы, параметры и динамика являются конституирующим признаком этого типа пространств в экономике.

То есть локальные пространства в наибольшей степени должны рассматриваться именно как ER-пространства. В реальном эксперименте и управленческой практике это чрезвычайно сложно, так как управление организовано по критериям выделения административных регионов, а статистика организована в соответствии с потребностями административного регулирования. Это предопределяет противоречие между научно обоснованным анализом и политически ангажированным проектантством.

Именно это противоречие обусловило в значительной степени модификацию зарубежных исследовательских практик в области пространственной экономики в направлении развития теории агломераций, в первую очередь городских агломераций, что непосредственно вытекает из концепций полюсов роста, внутреннего масштаба и технологической кластеризации. Именно агломерационная концепция позволяет добиться практической содержательности исследовательских процедур, с одной стороны, и сохранения научной основы экономической политики в области пространственного регулирования — с другой.

Главным выводом из краткого анализа генезиса пространственных теорий и базирующихся на них экономических измерениях является то, что по мере движения от общего к частному, от глобального к локальным пространствам содержательность формального статистически-декомпозиционного подхода к региону стремительно убывает. Он должен быть заменен системным пространственным анализом, ориентированным на исследование, измерение и максимизацию экономических системных эффектов в рамках ER-пространств, во-первых, и на достижение общего социального равновесия, во-вторых.

Между тем в российской исследовательской и управленческой практике продолжает господствовать идеология AR-пространства. Локальные экономические пространства рассматриваются как статистическая декомпозиция общенациональной макроэкономической структуры. С точки зрения экономических измерений это означает, что экономический анализ в пространстве становится калькой с макроэкономического анализа для национальной экономики как точки. И это распространяется не только на макроэкономические параметры, но и на смежные социальные области. Формальное присутствие макроэкономических декомпозиций и бессодержательных социальных и инфраструктурных сопоставлений удобно с точки зрения властной вертикали, но губительно для науки самой по себе и для качества экономической политики.

Переход к идеологии системного пространственного анализа означает необходимость междисциплинарного подхода, что связано с существенными методологическими и организационными трудностями, хотя и обещает принципиальное приращение качества самого анализа.

СИСТЕМНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА

Междисциплинарные исследования при всей на первый взгляд очевидной и многообещающей продуктивности представляют собой на практике весьма трудную даже для понимания и тем более для реального воплощения форму познания. Это справедливо и для теории, и для экспериментальных работ. Казалось бы, банальной истиной является то, что сложные системы, состоящие из разнокачественных, нетривиальным образом взаимодействующих элементов, предполагают синтез разнокачественных подходов и исследовательских инструментов для их познания. Однако на деле все обстоит весьма непросто.

Первой трудностью, с которой приходится сталкиваться на пути к постановке междисциплинарного исследования, является, конечно, объективное противоречие между стремлением к полноте описания и необходимостью вычленения абстрактных всеобщностей. Без первого невозможно получение конкретного представления о структуре и взаимосвязях в реальном системном объекте, а без второго невозможно описать механизм и динамику существенных для данной системы элементов.

Второй трудностью является определение предметной, теоретической и инструментальной платформ, на которых должно базироваться собственно междисциплинарное исследование. Этот выбор должен основываться на консенсусе предметных областей и теоретико-инструментальных концепций, характерных для различных научных дисциплин, исследующих данную сложную систему. То есть должно быть достигнуто согласие относительно исследовательских приоритетов и в рамках изучения каждого данного системного объекта. Такое достижение чрезвычайно затруднено как объективно, так и субъективно.

Третьей трудностью является различие исследовательского целеполагания, то есть выбор приоритета в исследованиях. Таковым может быть либо получение нового знания о закономерностях функционирования системы и ее элементов, либо выработка неких практических рекомендаций, форматов решений относительно управления системой и/или ее элементами.

Четвертой трудностью является то, что формирование междисциплинарных форматов исследования сложнокомпонентных общественных систем

(пространственных систем вообще и локальных в частности) — процесс не гетерогенного мультиплицирования, а органического синтеза. То есть на деле происходит взаимопроникновение теоретических и инструментальных подходов разных дисциплин в том случае, когда их предметом является одна и та же система или процесс. На практике это приводит к постоянному «делению» дисциплин, возникновению новых на основе взаимопроникновения самостоятельных предметов исследования и, следовательно, к умножению числа подлежащих интегрированию исследовательских областей. Однако при этом новые дисциплины по отношению друг к другу позиционируются как внутренне завершенные предметные области, а следовательно, опять возникают проблемы междисциплинарного синтеза. То есть формирование новых предметных направлений и даже новых областей знания в результате углубления степени системности описания многокомпонентных объектов в определенном смысле затрудняет междисциплинарный синтез, так как синтез «объектный» как бы заменяется множеством поэлементных синтезов. При этом возникает самостоятельная задача «метасинтеза» — синтеза отдельных междисциплинарных областей. Эта задача особенно характерна для сложных многокомпонентных объектов исследования с развитой системой обратных связей и внешних взаимодействий. Такими объектами, в частности, являются регионы как части географического пространства, в рамках которых наблюдаются социальные, демографические, экономические, институциональные, экологические, политические процессы, которые при этом находятся в сложных отношениях взаимосвязи и соподчиненности как по горизонтали, так и по вертикали.

Фактически речь должна идти, конечно, не о метасинтезе собственно исследований, что на практике вырождается в так называемую «координацию», которая на деле оказывается более или менее детальным перечислением разделов, соответствующих различным специализированным исследованиям. Самое важное — обеспечение синтеза результатов поэлементных исследований, генерирующего некое качественно новое знание.

В последнее время в области пространственных исследований предпринимаются попытки организации междисциплинарных исследований для получения новых системных знаний о пространственных объектах в экономике и обществе. В частности, в 2009 г. была сделана попытка реализовать на практике процедуру междисциплинарного метасинтеза в области региональной экономики в форме программы фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития России: междисциплинарный синтез».

Программа состояла из ряда блоков, в рамках которых проводились исследования в области экономики крупных экономических зон, распреде-

ления в пространстве энергетических и транспортных комплексов и сетей, социального поведения, внешнеэкономических потенциалов и взаимодействий, равновесия в многорегиональной экономической среде, природных ресурсов и природопользования в пространственном аспекте. Собственно межблочный или межэлементный синтез должен был быть обеспечен на основе единой методологической оболочки, которая представляла собой самостоятельный блок (элемент) программы [27] (*табл.*).

Таблица

Сравнительное содержание программ фундаментальных исследований по направлению «Пространственное развитие»

Программа 2009–2011 гг.	Программа 2012–2014 гг.
Методологические основы и концепция	Концептуальные основы программы
Воздействие природной среды на социально-экономическое пространство	Природно-ресурсная основа российского пространства
Эволюция, модернизация и новое освоение экономического пространства	Развитие экономического пространства
Пространственное развитие секторов инфраструктуры (энергетика, транспорт, информация)	
Фундаментальные проблемы научно-инновационного пространства	
Пространственная демография и социальная среда	Дифференциация и консолидация социального пространства
Пространственная трансформация российского общества	
Россия в мировом пространстве, внешнеэкономические и внешнеполитические факторы пространственного развития	Развитие России в мировом и евразийском пространстве
Научные основы совершенствования государственно-территориального устройства и создания системы территориального планирования	Институционально-правовые аспекты управления пространством
Проблемы формирования и развития макрорегионов России и межрегиональная интеграция	Макрорегионы и их взаимодействие

Источник: составлено по: [27].

С 2012 г. разработки в этом направлении продолжились в форме модифицированной программы РАН «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал». По сути это была уже другая программа, как по исследовательской платформе, так и по масштабу претензий на метасинтез. Фактически в качестве общей платформы для синтеза была не столько выбрана, сколько назначена география. При этом состав исследовательских блоков практически не изменился при определенном увеличении географической компоненты. Вместе с тем междисциплинарный синтез теперь уже в лучшем случае подразумевается, но не является

определяющей целью программы. Кстати, это иллюстрирует содержательное различие между платформами синтеза – переход от описания механизма и поведения к описанию состояния и распределений.

Впрочем, ни первая, ни вторая программа не приблизились к получению исследовательского эмерджентного эффекта, остановившись на этапе аддитивного множества включенных в общий план разработки дисциплин и простого суммирования результатов работ по каждому из разделов.

Главной причиной, вероятно, являются два обстоятельства. Во-первых, в самом планировании было допущено смешение разных принципов – междисциплинарности и комплексности.

С одной стороны, была предпринята попытка совместного (по крайней мере в рамках единого проекта) исследования взаимосвязанных и взаимообусловленных дисциплин, посвященных различным сторонам функционирования единого объекта – региона, а также оценки контуров обратных связей, возникающих в процессе их реального и виртуального взаимодействия (экономика, социология, география, межрегиональные и внешнеэкономические взаимодействия, ресурсные и экологические ограничения, демографические тренды).

С другой стороны, в проекте рассматривались отдельные сектора собственно экономики (энергетика, транспорт, ресурсный сектор экономики), которые, безусловно, критически важны с точки зрения функционирования российской экономики вообще и ее пространственной организации в частности, но с общесистемной точки зрения должны были быть интегрированы в проект либо как элемент общей системы ограничений и/или ресурсов пространственного развития, или как элемент целевой функции такого развития, имея в виду определенную временную последовательность решения задач пространственной организации.

Но есть еще и «третья сторона» – одновременное рассмотрение распределения экономических и социальных индикаторов в пространстве, под которым подразумевается множество административных регионов разного ранга, и исследование системного функционирования собственно регионов разного ранга как комплексов взаимосвязанных секторов, ресурсов и функций. Такая дихотомия в рассмотрении пространственных систем была отмечена О.С. Пчелинцевым: «...Региональная экономика выступает по отношению к «большой» экономической теории в «двух лицах»: одно ...сводит задачи пространственного анализа к *пространственному дезагрегированию* экономической информации, другое ...предписывает региону выступать в качестве самостоятельного субъекта экономического развития, *вносящего в хозяйственные процессы системную связь и экологический порядок*» [23].

Попытки одновременного рассмотрения предметно разнородных объ-

ектов исследований должны были привести и привели на деле к тому, что в действительности эти объекты рассматривались и рассматриваются изолированно, хотя и в рамках общего проекта, что ведет к практической невозможности интегрирования результатов.

Во-вторых, и это стало решающим обстоятельством, не удалось и не удастся до настоящего времени предложить непротиворечивую и достаточно полную с точки зрения интегрирования результатов поэлементных исследований индивидуального и коллективного поведения методологическую платформу. Несмотря на то, что методология заявлена как важнейший раздел, обеспечивающий разработку общей теоретической и инструментальной оболочки, объясняющей и увязывающей поведенческие реакции экономических и социальных агентов, гарантирующей формирование глобального и локальных равновесий, позволяющей измерить реакции экономической системы на изменение состояния социальных, технологических, институциональных, эколого-географических параметров, а также определить отклик последних на динамические и структурные параметры собственно экономики. Однако подобная оболочка до настоящего времени не создана, и перспективы ее создания представляются весьма туманными.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: СЛЕДСТВИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Превращение государственной региональной экономической политики в важную часть экономической политики вообще связано именно с усилением роли социальных оболочек локальных экономических пространств, то есть подразумевает подчиненность собственно экономических прогнозов и измерений целям, описываемым гораздо более широким набором переменных.

В 1990-х гг. регионалисты доказывали гибельность разрушения системы территориального планирования. Многократно было показано, что это приведет к «выбросу неоднородности пространства». И это действительно произошло. После 2000 г. экспертное сообщество с радостью восприняло сигналы, свидетельствующие о восстановлении территориального управления и планирования. Но радость была преждевременной. Целью региональной политики была провозглашена борьба с региональной дифференциацией. Это действительно важная цель, но мишенью является не дифференциация вообще, которая инвариантна по отношению политике, а сверхнормативная дифференциация, которая после достижения определенного критического порога действительно превращается в угрозу стабильности. В 1990-х гг. была спровоцирована как раз сверхнормативная неоднородность пространства. Тем не менее целью региональной политики была провозглашена именно

неоднородность вообще. Достижение этой цели объективно невозможно, что ставит под сомнение целесообразность региональной политики вообще.

Ситуация усугубилась тем, что Россия попала в ловушку вертикальной иерархии: жесткие бюджетные ограничения и экономическая логика требуют максимизации экономических эффектов пространственной структуры, то есть формирования и развития эффективных ER-пространств, а логика политической структуры и идеологии требует достижения статистической однородности в рамках AR-пространства. Эта двойственность породила двойные стандарты и в самой экономической политике. Общим лозунгом является «опережающее развитие», имея в виду отстающие в среднестатистическом смысле административные регионы. Критериально этот лозунг модифицируется в требование ускорения темпов роста и увеличение стоимостных объемов ВРП. Иначе и быть не может при представлении регионов как статистической декомпозиции макропоказателей (ВВП, инвестиций, доходов, темпов, макроэкономической структуры выпуска).

Однако экономически провозглашена идея создания именно в «отстающих» административных регионах «зон опережающего развития». Это укладывается в вышеприведенную теоретическую схему, но практически означает конструирование в локальных административных регионах «субэкономик Перру», то есть поляризацию локального пространства, стягивание экономической деятельности к центральным ядрам, обеспечивающим максимальный внутренний эффект масштаба для фирм. Принципиально важно при этом понимать, что подобное конструирование невозможно в рамках традиционных для советской и современной российской экономик командной технологии регулирования, это — результат автономного поведения фирм. То есть должна быть создана безупречная по эффективности и адресности система институциональной мотивации при обязательном условии наличия высококонкурентных условий применения факторов производства именно в данном регионе.

Кроме того, рассуждения о полюсах роста, кластерах, экономических эффектах, синергии имеют смысл в ER-пространствах. Экономическая политика в России традиционно оперирует, как отмечалось, AR-пространством. Эта политика скалькирована с советского территориального планирования, только слова «план социально-экономического развития» заменены словами «концепция», «стратегия», «программа».

Конечно, дело не в том, что изготовление этих документов поставлено на поток и превратилось в разновидность довольно доходного бизнеса, хотя и это очень опасно. Наибольшую опасность представляет то, что вместо объективного анализа пространственных распределений и взаимодействий, научного обоснования вероятных ситуаций будущего предлагается некий сур-

рогат из рапортоемких документов. Сами по себе эти документы, впрочем, ни в чем не виноваты, а при соответствующем упорядочении методологии и методики их разработки, в случае базирования их на ясной и адекватной теоретической и инструментальной платформе, они могли бы быть скомпонованы в форме научного обоснования эффективной системы регионального управления. В противном случае будем продолжать иметь стройную региональную экономическую политику на бумаге и умножающиеся региональные проблемы, все более неуправляемую и несбалансированную пространственную структуру экономики в реальной жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытки «пространственного империализма», как и попытки игнорирования пространства, несостоятельны. Одинаково неверны утверждения типа «пространство объясняет все» и «пространство ничего не объясняет». Пространственная экономика, равно как и макроэкономика или микроэкономика, является некоей теоретической оболочкой, в рамках которой описываются, объясняются и прогнозируются экономические отношения и экономическое поведение с определенной точки зрения. Если в случае макроэкономики это отношения между интегрированными экономическими агентами, а в случае микроэкономики — отношения между индивидуальными и объединяющимися в группы агентами экономики, то в случае пространственной экономики — это отношения между интегрированными территориально локализованными экономическими агентами. Этим не исчерпываются различия. В случае макро- и микроэкономики экономические агенты понимаются как производители благ и услуг, а поведение и роль потребителей сводятся к «внешним условиям». В случае пространственной экономики потребители являются равноправными «участниками процесса». В случае макроэкономики закономерности и поведение интегрированных агентов формируются на основе закономерностей функционирования и взаимного поведения микроэкономических агентов. В случае пространственной экономики на разных уровнях общности предметом исследования являются макрозависимости сами по себе (глобальный уровень), взаимодействие макро- и микроэкономического поведения и зависимостей (субглобальный уровень) или синтез микроэкономических и социальных зависимостей и мотиваций (локальный уровень).

По мере уменьшения степени общности, перехода от глобальных к локальным уровням анализа увеличивается степень неопределенности описания и объяснения поведения экономических агентов, формирования интегрированных (макроэкономических) результатов этого поведения. В пределе,

на уровне локальных экономических систем для адекватного описания и прогнозирования, в конечном счете, функционирования таких систем необходимо перейти от собственно экономического анализа к синтетическому (системному) анализу, включающему социальные, технологические, гуманитарные аспекты поведения экономических агентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты / THESIS. Т. 2. Вып. 4. М., 1994. С. 11–19.
2. Баранов Э.Ф. О методических вопросах построения моделей согласования отраслевых и территориальных решений // Экономика и математические методы. 1981. № 5. С. 873–889.
3. Бандман М.К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / отв. ред. А.Г. Аганбегян; ИЭОПП СО АН СССР. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 255 с.
4. Бюллетени Госплана. 1924. Вып. 1–2. С. 115–121.
5. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ – ВШЭ, 2003. 495 с.
6. Гранберг А.Г. Моделирование социалистической экономики. М.: Экономика, 1988. 487 с.
7. Гранберг А.Г., Селиверстов В.Е., Суспицын С.А. и др. Проект СИРЕНА: методология и инструментарий. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 255 с.
8. Егоров К. Очередные задачи районирования СССР // Вопросы советского хозяйства и управления. 1924. № 2–3. С. 48–53.
9. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М., 1958. 197 с.
10. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. М., 1969. 336 с.
11. Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика. Теория и политика / Пер. с англ. М.: Экономический факультет МГУ, ЮНИТИ, 1997. 799 с.
12. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика. 2005. № 3. С. 121–136.
13. Минакир П.А. Пространственный анализ в экономике // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 1. С. 176–180.
14. Минакир П.А. К вопросу о теории экономических циклов и кризисов // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 5–14.
15. Минакир П.А. Системные трансформации в экономике. Владивосток: Дальнаука, 2001. 536 с.
16. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
17. Найт Ф. Этика конкуренции. М.: ЭКОМ Паблишерз, 2009. 608 с.
18. Полтерович В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
19. Полтерович В.М. Становление общего социального анализа. URL: <http://www.econopus.org/sub.phtml?id=149> (дата обращения: декабрь 2013).
20. Полтерович В.М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 4–23.
21. Полтерович В.М. Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». М., 1997. URL: <http://ts1.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm> (дата обращения: октябрь 2013).

22. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 101–111.
23. *Пчелинцев О.С.* Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.
24. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения, гл. 7 // Соч. в 3-х т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. 339 с.
25. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.
26. *Суслов В.И.* Измерение эффектов межрегиональных взаимодействий: модели, методы, результаты. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 247 с.
27. *Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез*. М.: СОПС, 2009.
28. *Anselin L.* Spatial Econometrics: Methods and Models. Dordrecht: Kluwer Academic, 1988. 284 с.
29. *Besley T., Hennessy P.* The Global Financial Crisis—why didn't Anybody Notice? // *British Academy Review*. 2009. № 14. Pp. 8–10.
30. *John H. Cochrane.* How did Paul Krugman get it so Wrong? // *The Guardian (Economics)*. 2009. September 11th.
31. *Dixit A., Stiglitz J.* Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // *American Economic Review*. 1977. № 67. Pp. 297–308.
32. *Dow S.C., Ear P.E., Foster J., Harcourt G.C., Hodgson G.M., Metcalfe J.S., Ormerod P., Rosewell B., Sawye M.C. and Tylecote A.* Letter to Her Majesty the Queen. 2009. 10 August, URL: www.feed-charity.org/user/image/queen2009b.pdf (дата обращения: декабрь 2013).
33. *Greenspan A.* I Was Wrong about the Economy // *The Guardian (Economics)*. 2008. October 24th.
34. *Fujita M., Thisse J.-F.* Economics of Agglomeration. Cities, Industrial Location, and Regional Growth. Cambridge University Press, 2002. 480 p.
35. *Fujita M., Krugman P., Venables A.* The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. 1999, MIT press. 367 p.
36. *Isard W.* Location and Space Economy. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1956. 350 p.
37. *Isard W.* Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science by Walter Isard. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1960. 810 p.
38. *Krugman P.* How Did Economists Get It So Wrong? // *The New York Times*. 2009. 2 September. URL: http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1 (дата обращения: декабрь 2013).
39. *Krugman P.* Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade // *Journal of International Economics*. 1979. № 9. Pp. 469–479.
40. *Krugman P.* Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // *American Economic Review*. 1980. № 70 (5). Pp. 950–959.
41. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. 1991. № 99 (3). Pp. 483–499.
42. *Leontieff V., Carter N., Petri P.* The Future of the World Economy. New York: Oxford University Press, 1977. 118 p.
43. *Lucas R.E.Jr.* Macroeconomic Priorities // *American Economic Review*. 2003. № 93 (1). Pp. 1–14.
44. *Lucas R.E.Jr.* The Current Financial Crisis. 2008/ URL: <http://faculty.chicagobooth.edu/brian.barry/igm/ditella.pdf> (дата обращения: ноябрь 2013).
45. *Phelps E.* (ed.). Altruism, Morality, and Economic Theory. Russel Sage Foundation. NY, 1975. 231 p.

46. *Perroux F.* Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration // *Revue Tiers-Monde*. 1968. Tome 9. № 34. Pp. 239–265.

47. *Perroux F.* Note sur la ville considérée comme pôle de développement et comme foyer du progrès // *Revue Tiers-Monde*. 1967. Tome 8. № 32. Pp. 1147–1158.

ECONOMIC ANALYSIS AND MEASUREMENTS: SPATIAL CASE

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Professor, Doctor of Economics, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

The author discusses the formation features of spatial economics as a part of the general social analysis. The article considers relations of spatial economic and social research with general economic theory and studies on specific behavioral reactions at different levels of the hierarchy of social and economic systems. The paper analyzes general philosophical regularities of forming a systematic and interdisciplinary research as a tool of general social analysis and also examines practical results of realization of interdisciplinary research projects in the field of spatial studies. The author proposes a formation hypothesis of the subject area of spatial economics and its relation to the subject area of general economic theory.

Keywords: economic theory, crisis, general social analysis, economic space, administrative regions, economic regions, local space, programs, Russian Far East.

REFERENCES

1. Allais M. The Modern Economic Science and Facts. *THESIS – THESIS*, vol. 2, issue 4. Moscow, 1994, pp. 11–19. (In Russian).
2. Baranov E.F. On Methodological Issues of Building Models Coordination of Sectoral and Territorial Solutions. *Ekonomika i Matematicheskie Metody* [Economics and Mathematical Methods], 1981, no. 5, pp. 873–889. (In Russian).
3. Bandman M.K. *Territorial-Production Complexes: the Theory and Practice of Pre-Plan Research*. Edited by A.G. Aganbegyan. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the USSR, 1980, 255 p. (In Russian).
4. *Bulletins of Gosplan*, 1924, vol. 1–2, pp. 115–121. (In Russian).
5. Granberg A.G. *Bases of Regional Economics*. Moscow: State University – Higher School of Economics, 2003, 495 p. (In Russian).
6. Granberg A.G. *Modeling of the Socialist Economy*. Moscow, 1988, 487 p. (In Russian).
7. Granberg A.G., Seliverstov V.E., Suspitsin S.A. *SIRENA Project: Methodology and Tools*. Novosibirsk, 1991, 255 p. (In Russian).
8. Egorov K. The Immediate Tasks of the Zoning of the USSR. *Voprosy Sovetskogo Hozyaystva i Upravleniya* [Problems of the Soviet Economy and Management], 1924, no. 2–3, pp. 48–53. (In Russian).
9. Kolosovskiy N.N. *Bases of Economic Zoning*, Moscow, 1958, 197 p. (In Russian).
10. Kolosovskiy N.N. *The Theory of Economic Zoning*, Moscow, 1969, 336 p. (In Russian).
11. Krugman P., Obstfeld M. *International Economics: Theory and Policy*. Translated from English. Moscow, 1997, 799 p. (In Russian).

12. Krugman P. Space: The Final Frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 1998, vol. 12, no. 2, pp. 161–174. DOI: 10.1257/jep.12.2.161.
13. Minakir P.A. Spatial Analysis in Economics. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*, 2013, no. 1, pp. 176–180. (In Russian).
14. Minakir P.A. By the Question on Theory of Economic Cycles and Crises. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Journal of Economic Theory], 2009, no. 2, pp. 5–14. (In Russian).
15. Minakir P.A. *System Transformations in Economy*. Vladivostok, 2001, 536 p. (In Russian).
16. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: the Evolution of Approaches and Methodology. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2010, no. 2, pp. 6–32. (In Russian).
17. Knight F. *The Ethics of Competition*. Moscow, 2009, 608 p. (In Russian).
18. Polterovich V.M. Crisis of Economics. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii* [The Economic Science of Contemporary Russia], 1998, no.1, pp. 46–66. (In Russian).
19. Polterovich V.M. *Formation of the General Social Analysis*. Available at: <http://www.econorus.org/sub.phtml?id=149> (accessed December 2013). (In Russian).
20. Polterovich V.M. The Innovation Pause Hypothesis and the Strategy of Modernization. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2009, no. 6, pp. 4–23. (In Russian).
21. Polterovich V.M. *Crisis of Economics*. Report of the Scientific Seminar of the Department of Economics and Central Economics and Mathematics Institute RAS “Unknown Economics”. Moscow, 1997. Available at: <http://ts1.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm> (accessed October 2013). (In Russian).
22. Polterovich V.M. Formation of the General Social Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and modernity], 2011, no. 2, pp. 101–111. (In Russian).
23. Pchelintsev O.S. *Regional Economy in the System of Sustainable Development*. Moscow, 2004, 258 p. (In Russian).
24. Ricardo D. *On the Principles of Political Economy and Taxation*, vol. 1, chapter 7. Moscow, 1955, 339 p. (In Russian).
25. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, Moscow, 2007, 960 p. (In Russian).
26. Suslov V.I. *Measurement of the Effects of Interregional Operations: Models, Methods, Results*. Novosibirsk, 1991, 247 p. (In Russian).
27. *Fundamental Problems of Spatial Development of the Russian Federation: a Multidisciplinary Synthesis*. Moscow: Council for the Study of Productive Forces, 2009. (In Russian).
28. Anselin L. *Spatial Econometrics: Methods and Models*. Dordrecht: Kluwer Academic, 1988. 284 p.
29. Besley T., Hennessy P. The Global Financial Crisis – why didn’t Anybody Notice? *British Academy Review*, 2009, no. 14, pp. 8–10.
30. John H. Cochrane. How did Paul Krugman get it so Wrong? *The Guardian (Economics)*, 2009, September 11th.
31. Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity. *American Economic Review*, 1977, no. 67, pp. 297–308.
32. Dow S.C., Ear, P.E., Foster J., Harcourt G.C., Hodgson G.M., Metcalfe J.S., Ormerod P., Rosewell B., Sawye, M.C. and Tylecote A. *Letter to Her Majesty the Queen*, 2009, 10 August, Available at: www.feed-charity.org/user/image/queen2009b.pdf (accessed December 2013).
33. Greenspan A. I Was Wrong about the Economy. *The Guardian (Economics)*, 2008, October 24th.

34. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration. Cities, Industrial Location, and Regional Growth*. Cambridge University Press, 2002, 480 p.
35. Fujita M., Krugman P., Venables A. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*, 1999, MIT press, 367 p.
36. Isard W. *Location and Space Economy*. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1956. 350 p.
37. Isard W. *Methods of Regional Analysis: an Introduction to Regional Science by Walter Isard*. The M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts, 1960, 810 p.
38. Krugman P. How Did Economists Get It So Wrong? *The New York Times*, 2009, 2 September. Available at: http://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html?_r=1 (accessed December 2013).
39. Krugman P. Increasing Returns, Monopolistic Competition, and International Trade. *Journal of International Economics*, 1979, no. 9, pp. 469–479.
40. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade. *American Economic Review*, 1980, no. 70(5), pp. 950–959.
41. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography. *Journal of Political Economy*, 1991, no. 99(3), pp. 483–499.
42. Leontieff V., Carter N., Petri P. *The Future of the World Economy*. New York: Oxford University Press, 1977, 118 p.
43. Lucas R.E.Jr. Macroeconomic Priorities. *American Economic Review*, 2003, no. 93(1), pp. 1–14.
44. Lucas R.E.Jr. *The Current Financial Crisis*. 2008. Available at: <http://faculty.chicago-booth.edu/brian.barry/igm/ditella.pdf> (accessed November 2013).
45. Phelps E. (ed.). *Altruism, Morality, and Economic Theory*. Russel Sage Foundation. NY, 1975, 231 p.
46. Perroux F. Multinational Investments and the Analysis of Development and Integration Poles. *Revue Tiers-Monde*, 1968, vol. 9, no. 34, pp. 239–265. (In French).
47. Perroux F. Note on the City Considered as the Pole of Development and as the Seat of Progress. *Revue Tiers-Monde*, 1967, vol. 8, no. 32, pp. 1147–1158. (In French).